

К вопросу о взаимодействии этнических элит Степного края и Туркестана в годы революции и гражданской войны

On the question of the interaction of ethnic elites of the Steppe region and Turkestan in the years of the revolution and civil war

Аманжолова Д.А.

D.Amanzholova

Автор показывает особенности политических процессов в Степном крае и Туркестане, анализирует эволюцию идей автономизма и проблемы взаимодействия этнических элит региона в 1917-1920 гг.

The author shows the features of political processes in the Steppe region and Turkestan, analyzes the evolution of the ideas of autonomism and the problems of interaction between the ethnic elites of the region in 1917-1920.

Ключевые слова: революция, гражданская война, Степной край, Туркестан, этническая элита

Keywords: Revolution, Civil War, Steppe Region, Turkestan, ethnic elite

До революции контакты казахских и среднеазиатских политактивистов были спорадическими. Казахский образованный класс был гораздо прочнее интегрирован в общероссийское социально-политическое и культурное пространство, тогда как среднеазиатские джадиды были разрозненны и замкнуты в собственных административных и культурных ареалах. Во время выборов в Думу и в самой Думе казахские лидеры чаще сотрудничали с башкирскими, татарскими и азербайджанскими деятелями, в т.ч. на всероссийских мусульманских съездах. Восстание 1916 г. подтолкнуло к взаимодействию казахских и среднеазиатских активистов. По инициативе эсера В.А.Чайкина и секретаря мусфракции Думы М. Чокаева в августе была организована поездка членов мусфракции в Туркестан (К.Б.Тевкелев, У.Ходжаев, Ш.Мухамедьяров). Тевкелев собирал материалы о восстании и действиях администрации, злоупотреблениях в отношении мусульман и евреев.

Джадиды рассчитывали, что их патриотизм в условиях мировой войны обеспечит более быстрое включение в политический ландшафт России,

независимо от приверженности мусульманской солидарности и пантюркизму. К. Абдуллаев называет их «тюрко-таджикскими горожанами» [1], не имевшими поддержки в массах. Казахские демократы активно наращивали связи с российскими политическими силами, имея необходимый авторитет в Степи, несмотря на противодействие консервативной аристократии. «Западничество» казахских активистов, в т.ч. большое влияние светской культуры, диктовало их настороженное отношение к джадидам. Сохраняя мусульманскую солидарность и отдавая приоритет духовно-религиозным проблемам, среднеазиатская политическая элита с развитием политических преобразований становилась более сложной по социальному составу, делилась не только на консервативную и модернизаторскую в культурном и просветительском плане, но и оказалась вовлеченной в разные российские политические партии.

Казахские активисты на демонстрации в Петрограде. Март 1917г.

Складывание в регионах достаточно значимых образованных и политически активных слоев актуализировало федералистские настроения. Автономизм оказался наивысшим и самым радикальным пунктом в политической эволюции этноэлит Степного края и Туркестана, а

общероссийский административно-территориальный формат стал основой для региональных этнополитических проектов, повлиял на взаимодействие региональных лидеров. Динамика автономистских предпочтений и их конкретных моделей зависела от характера и скорости политических процессов в регионах, уровня организованности и влияния активистов, силы и прочности связей между основными участниками борьбы за власть. Центральноазиатские автономисты были вынуждены действовать в экстремальных обстоятельствах начавшейся гражданской войны, т.к. практическое воплощение этих моделей пришлось на 1918 год. Их почти безграничная вера в автономию как единственный путь к прогрессу, в рамках которого они, безусловно, получают государственные институты и желанную власть как представители своих народов, подкреплялась традициями этносоциальной иерархии.

Переустройство государственности шло в ожесточенном противоборстве конкурирующих проектов – общероссийских (большевистского и антисоветского) и локального, совместившего политические и конфессионально-культурные приоритеты. Основная борьба развернулась между разношерстной региональной элитой с разной идейной «начинкой» и общей культурно-религиозной идентичностью, и леворадикальными социалистами. Часть казахов активно контактировала с младобухарцами вплоть до возникновения БНСР. Сложнее было с хивинцами, ввиду их географической отдаленности. С ними уже после 1920 г. поддерживал тесные контакты С. Ходжанов и некоторые другие. В 1918 г. Т.Рыскулов и несколько его соратников наряду с узбекскими деятелями активно контактировали с партией «Иттихадва Тараки», Рыскулов даже был ее членом.

В апреле 1917 г. сразу за I краевым съездом советов и съездом делегатов исполкомов советов, где была поддержана идея федерации в России, I краевой съезд мусульман создал Краймуссовет. Делегаты разделились на федералистов (сторонники культурной автономии) и их противников, но поддержали автономию в составе демократической

федеративной России. Как вспоминал глава краевого муссовета М. Чокаев, «на съезде ни один голос не выступил за отделение от России» [3.С.117-122].

1917 год в Туркестане

Рис. 1. 1917 год в Туркестане

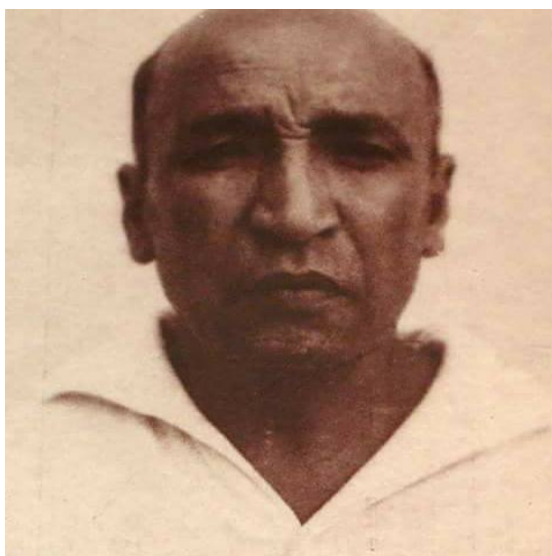
Идея автономии в мусульманском политическом классе Туркестана была озвучена летом 1917 г., и толчком послужил информационный повод: известие о создании на Украине Центральной Рады.

Показательно, что одновременно глава Турккомитета Временного правительства Н.Н.Щепкин на совещании в МВД о преобразовании управления и самоуправления в крае 15 июня получил поддержку своего предложения о децентрализации и разграничении полномочий: центру оставались вопросы военной защиты, ирригации, продовольствия, иностранных дел и временно – народного образования, сельскохозяйственной политики и краевой земской сметы. Областным комиссарам передавались бы функции губернаторского управления [4]. По сути, это означало практический шаг к федерализации.

Ведущие политические деятели Бухары и Хивы в итоге переместились в Ташкент, составив часть мусульманского актива Туркестана. Чокаев называл его лидеров национал-революционерами и федералистами. Бехбуди писал о поддержке российского федерализма и желании, «не отделяясь от России», ввести такой парламентаризм в регионе, который обеспечил бы учет

интересов «всех туркестанцев, будь то еврей, христианин или мусульманин»[3.С.121; 7].

Этнический критерий идентификации не рассматривался. Консолидация на конфессиональной основе в определенной мере служила способом сгладить внутренние противоречия в рядах малочисленного этнополитического актива, хотя и у религиозных деятелей представления об автономии были смутными. Даже раскол в июне и выделение «Шурои-Уламо» были вызваны различиями в трактовке пределов и самой необходимости исламской модернизации. Возникшая в июне 1917 г. ортодоксальная «Шурои-Уламо» предлагала создать «чисто мусульманскую автономию», но т.н. прогрессисты сочли эти идеи утопичными и антинациональными. Глава газеты «Хуррият» джадид А.Фитрат «ради Бога, религии, Родины и нации» призывал объединиться джадидов, кадимов, мулл и богатых людей, закрыв глаза на имеющиеся амбиции и «классовые деления»[6. С. 282; 2. С.25].

А.Фитрат (1885-1938)

Т.о., понятие нация никак не связывалось с этничностью. «Улуг Туркестан» 30 апреля 1917 г. призвал: «Долой разделение на татар, сартов, казахов! Да здравствует мусульманство и тюркизм!», для чего, в частности, «создать единый чистый тюркский язык». Нациестроительство совсем не стояло в повестке дня ни центра, ни туркестанских националов-демократов.

И ныне в Центральной Азии рассматривают надэтническую конструкцию, коей оказалась Туркестанская автономия, как «национальное государство»[9; 2.С.273-290].

Важным стимулом к росту автономизма стали также решения I Всеказахского съезда в Оренбурге (21-26 июля), свое влияние оказывали башкирские и азербайджанские деятели, принявшие участие в ташкентских событиях (А.З.Валиди) или наезжавшие поделиться опытом (А.Амин-Заде). Это разностороннее воздействие отчетливо прослеживается по содержанию программы т.н. Партии тюркских федералистов, провозглашенной в июле на съезде мусульманских организаций в июле 1917 г.[3.С.159-164]. Ускорение политизации национальных сил придали и борьба местных советов за единовластие. II краевой мусульманский съезд (7-11 сентября, Ташкент), на котором младобухарец У.Ходжаев проинформировал делегатов о поездке в столицу и подготовке Туркестана к выборам в Учредительное собрание, заявил о неприятии власти советов и предложил коалицию «всех политических сил страны», дабы сделать ее «всенародной». Это усилило отчуждение между националами и большевиками, которые к тому же конфликтовали с меньшевиками и эсерами.

На следующий день Ташкентский исполком под влиянием большевиков фактически захватил власть, что побудило их противников в краевых советах солдатских, рабочих, крестьянских, казахских и общемусульманских депутатов объединиться и перебраться в Скобелев.

17-20 сентября на съезде в Ташкенте состоялась попытка объединить усилия туркестанских и казахских (от Тургайской и Уральской областей) мусульман, практически сразу после резкого усиления роли советов и левых «европейских» сил, подстегнутого, в свою очередь, обострением ситуации в Петрограде. И.Шагиахмедов разработал проект федерации [5. С.170-179; 9. С.50-60; 3.С.169,180].

Однако решение съезда о будущей Туркестанской федерации в составе Российской республики не привело к объединению казахских и

туркестанских автономистов. Взятие власти большевиками в столице и 1 ноября в Ташкенте заставило тех и других перейти к самостоятельным действиям, к чему подтолкнули и местные левые, упорно боровшиеся за полновластие советов и пока не заявлявшие о своей позиции по национальному вопросу. Туркестанские националы, не имея по соседству сильного регионального партнера и не получив поддержки казахских автономистов в своих претензиях на лидерство в возможном азиатском альянсе, в ноябре заявили о нейтральной позиции и к свергнутому Временному правительству, и большевикам.

«Объединенное совещание различных мусульманских групп» (12-15 ноября, Ташкент), умеренные социалисты и эсеры в краевом совете не добились реальной консолидации, что укрепляло радикально настроенные силы во главе с большевиками. В острых дискуссиях III краевой съезд советов (15-19 ноября) проигнорировал предложения о коалиции умеренной части делегатов, в т.ч. мусульманских, и принял провокационное решение. В СНК Туркестана не получили доступа не только «оборонцы», но и представители коренного населения «ввиду полной неопределенности отношения туземного населения» к власти советов и отсутствия у него «пролетарских классовых организаций». Наказ правительству содержал идею о пропорциональном представительстве коренного населения [8. С.93; 9. С.76], но выполнен не был. К тому же, исполнительная власть советской автономии оказалась решающей, поскольку ЦИК был образован V съездом советов края лишь в конце апреля 1918 г.

В ответ IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд в Коканде 26-28 ноября (9-11 декабря) 1917 г. принял решение, «выражая волю населяющих Туркестан национальностей к самоопределению на началах, возвещенных великой Российской революцией», объявить Туркестан территориально автономным «в единении с Федеративной Российской Республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестанскому учредительному собранию». До созыва Учредительного собрания вся полнота власти

переходила к Туркестанскому Временному Совету и Туркестанскому Народному собранию. Предполагалось треть мест в собрании предоставить «европейским» организациям края, а также создание мусульманской и немусульманской курий в Учредительном собрании автономии. На деле в правительство автономии вошли 8 членов Временного Совета - 4 узбека, 3 казаха, 2 татарина, 1 еврей, т.е. из коренных народов были представлены лишь узбеки. 4 места резервировались для «европейцев», во Временном совете их не оказалось [7]. Премьер-министром и министром внутренних дел был избран М.Тынышпаев, его заместителем И.С.Шагиахмедов, министром иностранных дел - М.Чокаев, который позже стал премьер-министром, военным министром – У.Ходжаев, впоследствии возглавивший правительство, министром земледелия и водных ресурсов – Ю.Агаев, министром продовольствия – О. Махмудов, министром финансов – С.Герцфельд. В состав Временного национального собрания (Милли меджлис) вошли У. Ходжаев, М. Чокаев, Т. Норбутаев, М. Бехбуди, М. Акчурин и др. С.М. Исхаков считает, что национальный состав правительства отразил демократические веяния и психологию туркестанизма как осознания общей родины.

М.Тынышпаев (1879-1937).

В качестве обоснования кокандские националы указали: их решение не противоречит ленинским декретам и идет в русле времени, когда «все народы стали объявлять автономии». Более того, поскольку право на нее имеют «народы, составляющие 69%» региона, никто не должен отрицать права мусульман, объединивших 95% населения Туркестана. И так, религиозная общность была решающей для туркестанской элиты в политическом самоопределении региона. Обещание соблюдать права русских, евреев, армян и других народов сопровождалось предупреждениями о «неприятных событиях» в случае препятствий автономии. Это, как и призывы манифестантов к конкурирующим силам воздержаться от обострения отношений, отражало общую неопределенность ситуации и неуверенность сторонников автономии в исходе инициативы[10]. Национальное собрание намеревалось разработать конституцию, правительство экспроприировало типографию О.Махмудова, организовало выпуск газет на языках основных народов края (это было, пожалуй, единственным признанием де-факто наличия этнических общностей внутри автономной «нации») и поставки зерна через Оренбург.

Кратковременная история кокандских автономистов состояла из попыток обеспечить выживание. Предложение продовольственной помощи от представителей антисоветского «Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей», созданного в ноябре на Северном Кавказе, подвигло кокандцев к решению вступить в него. Впрочем, это была лишь декларация. Автономисты начали формировать армию, набрав от 1000 до 2000 чел. Одной из самых острых проблем стало финансирование. [9. С.99-100]. Руководство перешло от Тынышпаева к Чокаеву, более склонному к решительным действиям в «защиту мусульманских интересов». Однако его амбиции по поводу руководства объединенными силами туркестанских и казахских националов последние не поддержали.

М. Чокаев (1890-1941)

Туркестанская автономия, ставшая результатом протеста полиэтничной национальной элиты при поддержке коренного населения, опиралась больше на общественные ожидания, нежели на заранее выработанную программу. «Чувство неудовлетворенности настоящим и жажда перемен», объединявшие весь политический актив Туркестана – от джадидистов до кадимистов[2.С.282], оказались недостаточными для овладения властью. Партийные этнополитические институты также не получили оформления в предшествующий период. Финансы кокандцев были крайне ограничены, а вооруженные силы не успели организовать. Границы автономии в документах ее инициаторов не определялись, подразумевая, очевидно, прежнее пространство Туркестанского края. Не нашлось у автономистов и надежных союзников, как и «внешних» партнеров, готовых поддержать этот проект, да и в самой «команде» руководителей единодушия не было. Горизонтальные связи для выяснения этнических территорий, их границ и

практической конкретизации форм федерации в случае с Туркестаном фактически оказались крайне слабыми. «Европейское» население Коканда оставалось сторонним наблюдателем. Вкупе с перманентной борьбой за власть в регионе и острой конкуренцией всех ее участников, радикализмом местных большевиков и неопределенностью в отношениях с Петроградом автономия была обречена.

Коканд после разгрома автономии. 1918 г.

Единству действий казахских автономистов мешали территориальные разломы Степи. На 2-м всеказахском съезде Букейханову удалось преодолеть сопротивление сторонников союза с Туркестаном, уступив им в требовании немедленного объявления автономии. Лидер Алаш разумно предлагал провозгласить ее лишь после выяснения отношения к этому некоренного населения и создания народной милиции. Эти важные идеи были проигнорированы, хотя решение съезда декларировало предоставление 10 из 25 мест в правительстве «другим народам». Вскоре выяснилось, что казахский актив Сыр-Дарьинской области готов соединиться с Алашской автономией при условии ее союза с Туркестаном, а казахская столица должна была основаться в г. Туркестан. В итоге образование Алашской автономии со столицей в Семипалатинске по факту состоялось

решением 2-го съезда. Еще в январе 1918 г. алашординцы не предпринимали попыток перейти от декларации к делу. Сыр-Дарьинский казахский съезд высказался за оставление области в составе Туркестанской автономии.

А.Букейханов (1866-1937). 1906 г.

Меж тем на государственном совещании в Уфе (сентябрь 1918 г.) лидеры Туркестана и Алаш выступали солидарно. Делегации Алаш-Орды и автономии Туркестана возглавляли А. Букейханов и М. Чокаев. Большинство членов совещания являлись сторонниками «народовластия» и противниками диктатуры. Делегаты Алаш-Орды присоединились к ним. 12 сентября Букейханов заявил: «Те организации, от имени которых я выступаю, не являются представителями сепаратизма, а они мыслят, что они составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России»[4]. Одновременно был разрешен внутренний конфликт в Алаш-Орде, вызванный амбициями Ж.Досмухамедова и его попыткой создать в

Уральской области ханство «Уильскийоляят». По инициативе Букейханова в дни совещания полномочия единого центра автономной власти были подтверждены специальным решением алашординцев. Уильскийоляят стал составной частью автономии, а не самостоятельным юридическим образованием, что укрепляло статус Алаш-Орды как легитимного представителя всех областей, включенных в состав автономии.

Рис.2. Государственное совещание (Уфа, 8-23 сентября 1918г.)

Федерализм для Казахской степи и Туркестана этнополитическая элита региона рассматривала как воплощение автономии для своих народов – национально-территориальной у казахов и культурно-религиозной в рамках бывшего генерал-губернаторства для среднеазиатской. Лидер Алаш А.Букейханов, поддерживая создание полиэтничных автономий за Уралом и в Поволжье с участием живших там казахов, на деле с конца 1917 г. возглавил этноцентристский проект. Неудачи и даже безнадежность антисоветских автономистских амбиций казахских и среднеазиатских националов не спровоцировали сепаратистские настроения и не изменили их стратегического ориентира на государственное единство с Россией.

Альянсы и конфликты автономистских структур в Центральной Азии объективно отражали потребность в административной централизации и унификации крупных регионов, их экономической и коммуникационной интеграции. Национальные элиты и центры политической силы на местах

при слабости и неустойчивости общегосударственной власти возглавили очаги самоорганизации. Но стабилизация и интеграция столь разнообразного социально-культурного, политического и многонационального пространства оказалась им не под силу, во многом вследствие разного смыслового наполнения динамично менявшейся ситуации с непредсказуемыми результатами.

Столь же отчетливо отражались противоречия в разделении компетенций и полномочий, нуждающиеся в тонкой настройке для устойчивой территориальной и политической организации полиэтничного государства, а также плюрализм реальных способов функционирования территорий и их активистов в рамках государства, которое восстанавливало свою целостность. В границах распавшейся и собирающейся сызнова империи в 1917-1918 гг., на основе разных по географии, возможностям и дееспособности структур, зарождались федералистские проекты, которые стремились утвердиться как общероссийские и региональные. В условиях революции и войны гармонизации этого комплекса взаимосвязей достичь было практически невозможно. Свою роль сыграла вера в могущество и выживаемость огромного имперского организма. В то же время освоенный государственный ландшафт с его понятными и наработанными социально-политическими сетями, официальными и негласными привилегиями, компромиссами и зависимостями был гораздо комфортнее и безопаснее, нежели непредсказуемая самостоятельность, где ответственность полностью переходила к новому центру власти в лице самой этноэлиты.

Литература

1. Абдуллаев К. Почему Средняя Азия восстала против России (К 100-летию восстания 1916 года: заметки историка) // NavruzMedia. 2016. 12 мая [Электронный ресурс]. URL:// <http://www.fergananews.com/articles/8964> (дата обращения: 15.05.2016).

2. Абдуллаев Р. Восстание 1916 г. и национальные политические организации Туркестана // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). Колл. монография. М.: Русский импульс, 2017. С.273-290.
3. Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии: (Туркестон Мухторияти). Ташкент: Изд.-полигр. объединение «Тошкентисломуниверситети», 2006. 268 с.
4. ГА РФ. Ф.1788. Оп.2. Д.13. Л.1-6; Ф. 670. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
5. История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент: Узбекистан, 1967. 783 с.
6. История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX-начало XX века). Самарканд: МИЦАИ, 2012. 335 с.
7. Исхаков С.М. Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии // Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти). Создание и разгром. Сб. статей. [Электронный ресурс]. URL: <http://kh-davron.uz/kutubxona/tarix/turkestantskaya-avtonomiya-turkiston-muxtoriyati-sozdanie-i-razgrom-sbornik-statej.html> (дата обращения: 11.12.2014).
8. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сб. документов. Под ред. И.К. Додонова. Ташкент, 1947. 295 с.
9. Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Т.: Шарк, 2000. 671 с.
10. Улуг Туркестан. 1917. 8, 10 декабря.